

БЕЛИНСКИЙ И КОЛЬЦОВ В ПЕРЕПИСКЕ А. В. СТАНКЕВИЧА И Я. М. НЕВЕРОВА С М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Публикация М. Барановской и Е. Хмелевской

Предисловие и примечания Б. Белова

В 1878 г. вышла в свет книга М. Ф. Де-Пуле «Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке».

Земляк поэта, М. Ф. Де-Пуле в течение шестнадцати лет собирал материалы для его биографии. Не ограничиваясь богатыми местными источниками, он письменно обращался за сведениями и документами к современникам Кольцова — А. А. Краевскому, И. С. Тургеневу, В. И. Аскоченскому, М. И. Юдину и др. Благодаря этим материалам книга Де-Пуле долгое время оставалась самым полным сводом всего известного о Кольцове, что и обусловило постоянные ссылки на нее позднейших исследователей.

Однако при всей ценности собранных Де-Пуле материалов, схема политической и литературной биографии поэта, выдвинутая в его труде, не выдерживала никакой критики. Новая биография Кольцова полемически заострена была против концепции его жизни и деятельности, созданной Белинским.

Как известно, статью о Кольцове Белинский писал весной 1846 г., т. е. за год до «Письма к Гоголю». Критик-демократ убедительно изобразил народного поэта жертвой «тяжелой борьбы между его призванием и его суровою судьбою», порожденной «грязной <читай: николаевской.— Б. Б.> действительностью». В преждевременной гибели Кольцова Белинский обвинял те общественные условия и, в частности, семейное окружение, в котором пришлось жить поэту: «Общество виновато в том, что, едва родившись, он <Кольцов> с собою должен брать даже самый воздух, чтоб ему можно было дышать <...> В своем семействе прежде всего встречает он, с ужасом и отвращением, чудовищный образ общества, которое в человеке не хочет признавать человека, но <...> смотрит на него только как на работника, как на живой капитал, с которого некогда можно будет брать проценты <...> Семейство, узы крови: что вы, если не бичи и цепи там, где полудикое и невежественное общество еще в колыбели встречает человека в виде патриархального логовища, глава которого есть степной деспот с нагайкой в руке?» (X, 274).

Де-Пуле в своей биографии Кольцова выступал как эпигон реакционного славянофильства, как историк и критик, идейно близкий Аполлону Григорьеву и Достоевскому. Его работа строилась на положениях, прямо противоположных тем, на которых когда-то стоял Валериан Майков, первый оппонент Белинского в вопросе о Кольцове (В. Н. М а й к о в. О стихотворениях Кольцова. — «Отеч. записки», 1846, №№ 11—12. Перепечатано в его «Критических опытах», 1889, стр. 1—116).

Если космополит В. Майков призывал отказываться от всякой национальной самобытности во имя абстрактного «человечества», то Де-Пуле выступал защитником и идеализатором традиций того «патриархального логовища», о котором писал Белинский. Эта «защита» у него нередко перерастала в самый злостный памфлет против Белинского и Кольцова. Критик радикально-демократического журнала «Дело» имел

основание писать по поводу книги Де-Пуле: «Воронежский француз, или французский воронежец, г. Де-Пуле сделал своею специальностью — розыски о поведении и благонадежности некоторых писателей. Так, напр., в свое время он составил подробные кондуитные аттестаты проф. <Д. И.> Кочановского и <поэта> Никитина, а недавно занялся розыском о том, чье тлетворное влияние испортило Некрасова, и нашел, что то было влияние матери поэта, польки <...> Что же касается Кольцова, то г. Де-Пуле принимается за него уже не в первый раз и еще в «Воронежской беседе» 1861 г. сделал ему самые дурные отметки в поведении за гордость, самомнение, строптивость, непочтительность к старшим и т. д.» (С. Ш а ш к о в. Кольцов и новый розыск о его поведении. — «Дело», 1878, № 9, «Современное обозрение», стр. 1).

О том, что важнейшей целью его работы была дискредитация биографии, созданной Белинским, признается и сам Де-Пуле в публикуемом ниже письме к Я. М. Неверову: «Я давно убедился, что Белинский <...> представил Кольцова в ложном свете. Эта ложь поддерживается в литературе более 30 лет <...> вот мой взгляд! Высказываю Вам его для того, чтобы Вы знали, с каким биографом Кольцова Вы имеете дело» (письмо от 6 июня 1877 г.).

Свою политическую и исследовательскую позицию Де-Пуле откровенно охарактеризовал в письме к Я. М. Неверову: «Друг Станкевича, приятель Грановского, Вы (мне думается), теперь, в настоящую пору, не горячий западник, вроде Кетчера, Е. Корша и Александра Станкевича. Вы, мне кажется, не подпишетесь теперь под статью Белинского о Кольцове и под книгами Анненкова (о Станкевиче) и Пыпина (о Белинском).

Если это так, то, кажется мне, кое-что надумать о Кольцове Вы могли бы. Не забывайте, что закоренелые западники, несмотря на приязнь мою с А. В. Станкевичем, не дали мне писем Кольцова к Белинскому. Они держат их под спудом, боясь разоблачения семейных дел Кольцова, в общем мне известных, — дел весьма пакостного свойства, в которых поэт играл далеко не чистую и не честную роль. Белинский испортил жизнь Кольцова и сгубил его своим влиянием, — для меня это аксиома» (письмо от 4 августа 1877 г. Не опубликовано. ГИМ. Ф. № 372, ед. хр. 7, лл. 36—37 об.).

А. В. и Е. К. СТАНКЕВИЧИ
Дагерротип, 1840-е гг.
Собрание М. Ю. Барановской,
Москва

Для доказательства этих фантастических положений Де-Пуле не останавливался перед прямым искажением фактов. Понятна поэтому важность опубликования подлинных документов переписки Де-Пуле, до сих пор не входивших в научно-исследовательский оборот. Как первоисточник, печатаемые ниже письма А. В. Станкевича и Я. М. Неверова к Де-Пуле существенно подрывают доверие к книге воронежского биографа Кольцова даже в тех ее частях, которые производили впечатление строгой «документальности». В то же время (что нам представляется не менее существенным) эта переписка дает интереснейший материал и для понимания борьбы, с новой силой вспыхнувшей вокруг идейного наследия Белинского в 1870-х годах и с тех пор уже не замиравшей до самой Великой Октябрьской социалистической революции.

І. ПИСЬМА А. В. СТАНКЕВИЧА К М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Об А. В. Станкевиче (1821—1912) известно немного. Член литературно-философского кружка своего брата, автор двух-трех повестей, опубликованных в «Современнике» 1840-х годов, впоследствии автор книги о Грановском и издатель его переписки — А. В. Станкевич с юношеских лет был связан с Белинским и его окружением. Это подтверждается и одним из шуточных обращений к нему в письме Н. В. Станкевича от 17 октября 1837 г. из Берлина: «Слушай и ты, юноша с кудрявою головою, амур-ревматик, достойный воспитанник Бодянского, истинный член компании братьев-Станкевичей, любезнейший Александр Владимирович. — Внимайте все, некогда собиравшиеся к круглому столу в доме Лаптевой, за самоваром высказывать все события п р е к р а с н ы х д у ш Ваших — Иван Осторожный <поэт И. П. Ключников>, опускавший гардины, Виссарион Неистовый, посмевавшийся этим мудрым мерам; ты, Михаил — подражатель архангела <М. А. Бакунин>, горько плачущий, что чорт перестал странствовать по земле» и т. д. («Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 158—159. Характерно в этом письме свидетельство о некоторых конспиративных мерах во время собраний кружка).

Белинский очень любил «Саничку Станкевича» и всегда считал его человеком, «близким и родным себе» («Письма», III, 97). Неудивительно, что и А. В. Станкевич с передовых демократических позиций ученика и друга Белинского разоблачал реакционность книги Де-Пуле через тридцать лет после смерти великого критика.

М. Ф. Де-Пуле писал 6 июня 1877 г. Я. М. Неверову: «Я по воронежской жизни (1862—1864), был очень близко знаком с <...> Александром Влад<имировичем> Станкевичем». А теперь мы с ним чуть не рассорились (говорю в шутку) из-за Кольцова или, точнее, из-за Белинского».

«Нет такой правды, которая могла бы умалить достоинства, личность и деятельность Белинского, — возражал А. В. Станкевич Де-Пуле в черновике письма 12 декабря 1876 г. — Односторонние суждения и предубеждения для них безопасны — в этом я совершенно убежден». Еще более резко противостояли Де-Пуле формулировки А. В. Станкевича в последнем варианте этого же письма: «Счастливы мы фактом и сознанием, что в среде русского народа живут сильные и глубокие мотивы поэзии, что им несомненно присущи широкие стремления, служащие нам залогами его значения в будущем, вселяющие в нас надежды. Таким сознанием и фактом, между прочим, обязаны мы Кольцову и людям, умевшим ценить его и поддерживать в нем веру в самого себя, в свой талант <...> Среди последних главное место принадлежит Белинскому».

Первое письмо Де-Пуле получено было А. В. Станкевичем около 5 апреля 1876 г. В нем между прочим содержалась просьба прислать письма Кольцова к В. П. Боткину, находившиеся у К. Т. Солдатенкова. Однако эта просьба встретила решительный протест со стороны Н. Х. Кетчера, не симпатизировавшего Де-Пуле и боявшегося превратного истолкования им этих писем. А. В. Станкевич в ответе от 8 апреля 1876 г. соглашался сообщить Де-Пуле все лично ему известное о Кольцове, но, сославшись на занятость, просил повременить до мая. (Не опубликовано. ИРЛИ. Ф. № 569, № 575а). Следующие письма его к М. Ф. Де-Пуле публикуются ниже.

1. А. В. СТАНКЕВИЧ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Москва, Большой Чернышевский переулок,
 собственный дом
 Ноября 22 1876

Многоуважаемый Михаил Федорович! Не знаю, как извиняться перед Вами, что до сих пор не исполнил данного Вам обещания сообщить все известное мне о Кольцове и отношениях его к покойному брату.

⟨...⟩ Брат мой Николай до поступления в университет воспитывался в Воронеже, в пансионе Павла Кондратьевича Федорова. Еще во время своего последнего пребывания там он познакомился с молодым Кольцовым. Поэзия тогда сильно занимала брата, а о молодом поэте он мог узнать у воронежского книгопродавца (Кашкина, если не ошибаюсь) ¹, да Кольцов и сам бывал в пансионе иногда, так как, помнится, он ставил Федорову дрова. Будучи студентом Москов⟨ского⟩ университета, брат видался с Кольцовым, когда бывал в Воронеже проездом в отцовскую деревню. Приезжая в Москву между 1831—1836 годами, Кольцов иногда останавливался в квартире брата моего. Через последнего он познакомился с кругом его друзей и с Белинским. Сведения об этом сообщались мною Анненкову, и в биографии Ник⟨олая⟩ Станкевича, им написанной ², Вы их найдете.

Знакомство Кольцова с Белинским могло состояться, думаю, не ранее 1831 года. Я. М. Неверов, старший товарищ брата по университету, служил в Петербурге с 1833 года и участвовал в «Журнале министерства просвещения». Кольцов, рекомендованный Неверову братом, был лично знаком с Неверовым, а через него познакомился и с некоторыми из петербургских литераторов. В 1835 году брат издал маленькое собрание избранных стихотворений Кольцова (18 стихотворений). В 1836 и ⟨18⟩37 годах Кольцов провел по своим делам много времени в Москве. Весною последнего года я часто видал Кольцова у Василия Петровича Боткина, где нередко читались только что написанные Кольцовым стихотворения и где Белинский бывал постоянным гостем. Здесь же бывали Константин⟨ин⟩ Сергеевич Аксаков, И. П. Ключников (стихотворения которого являлись в печати с подписью буквы Θ), Н. Х. Кетчер, М. Н. Катков. В эту весну я нередко гулял с Кольцовым в окрестностях Москвы. Он уже тогда выражал, что его занятия в Воронеже и необходимость жить там тяготят его.

После я видал Кольцова только проездом в Воронеже ³. В последний раз я его видел в 1842 г. летом. Он уже был болен, желт, осунулся, согнулся; он говорил, что его лечит Малышев ⁴, о котором отзывался с благодарностью. Умер он, кажется, осенью того же года ⁵. Во время моих посещений Кольцова к нему иногда входил отец его, походивший на очень грубого мужика. Появление этого батиньки (так называл его Кольцов) как-то действовало очень неприятно на меня и прерывало беседу с Кольцовым так, что она не тотчас могла продолжаться между нами. При свидании с Кольцовым чаще всего говорили мы о стихах и современных литературных явлениях, иногда он давал прочитывать мне свои новые стихи. Я был тогда еще очень молод и теперь не могу припомнить подробностей наших бесед. Помню сильный энтузиазм Кольцова к поэзии Пушкина и отзывы его о Жуковском, как о прекрасном человеке, а в поэте Жуковском он уже видел недостаток оригинальной силы и самобытного творчества. Появлявшиеся стихотворения Лермонтова читал Кольцов с жадностью и рассказывал как-то мне с грустною задумчивостью, что Лермонтов проезжал Воронеж и будто бы кутил там с какими-то офицерами, закуривая трубку ассигнацией ⁶.

Раз зашел у нас разговор о дурном глазе, в который верит народ. Кольцов был того мнения, что в основе этой веры есть что-то истинное. В гуртах ему приходилось встречаться с явлениями, которые, будто, указывали на недоброе личное влияние иных людей, приближавшихся к скоту. «Что-то, как будто, есть,— заключил он,— е ф т о м у (так он произносил) можно верить».

У Кольцова был природный светлый и крепкий ум, и его поэтическая натура и фантазия нисколько не мешали ему ясно понимать людей и практические отношения жизни. Суровая и тяжелая действительность, среди которой рос он с детства, воспитали в нем эту способность, как необходимость.

Я привел Вам мнение Кольцова о дурном глазе не для того, чтобы показать, что он разделял предрассудки народной среды, а для того, что, как думаю, в нем выражалась способность самостоятельного отношения к явлениям, не имеющим положительного объяснения, которых он, однако, не отрицал из страха только прослыть за необразованного человека. К предрассудкам же он вовсе не был склонен.

Разговор Кольцов вел тихо, несколько глухим голосом, немного понуриив голову. Способ его выражения отличался тою оригинальностью, которою часто отличаются люди, не испытавшие школьного влияния и враждавшие в низменных слоях общества.

Кольцов был человек страстного и нежного сердца, выражения которого, однако, носили характер сдержанности. Характеристика Кольцова, написанная Белинским в предисловии к стихотворениям Кольцова, по-моему, совершенно верна истине.

У Кольцова заметна была сильная сердечная привязанность к Белинскому.

Это все, что мне известно о Кольцове <...>

О письмах Кольцова Белинскому я сообщил Вам, что Кетчер их не дает. Он, впрочем, действительно имеет на то важные причины.

Влияние брата Николая на поэта Кольцова могло выказываться в сообщаемых ему замечаниях на его стихотворения (первоначальные), так как брат был человек с большим поэтическим пониманием. Из многих стихов Кольцова для первого издания он избрал весьма немногие. Брат уехал из России в 1837 году; тогда уже прекращаются его отношения к Кольцову <...>

Автограф. ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 575.

¹ Обстоятельства первой встречи Кольцова с Н. В. Станкевичем рассказаны в публикуемом ниже письме Я. М. Неверова к М. Ф. Де-Пуле от 24 мая 1877 г.

² П. В. Анненков. Биография Н. В. Станкевича.— В кн.: «Н. В. Станкевич. Переписка его и биография», СПб., 1857.

³ Во время предпоследней встречи А. В. Станкевича с Кольцовым, происшедшей, очевидно, в начале 1840 г., он произвел на поэта неблагоприятное впечатление. В письме к Белинскому от 20 февраля 1840 г. Кольцов, между прочим, писал: «Был у меня третий Станкевич. Он как-то странно переменялся, зарылся в науку, в формальность, математически сурьезно. Оно хорошо с молодых лет поучиться хорошенько, а все-таки странно видеть человека ученого, сухого, без огня в душе и без фантазий жизни» (Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, под ред. А. И. Лященко, СПб., 1909, стр. 206—207).

Поэт, несомненно, ошибся в своем заключении. Как видно из писем А. В. Станкевича, это был человек с «огнем в душе», который при случае проявлялся у него прямо и резко.

⁴ Иван Андреевич Малышев — врач, пользовавшийся громадной популярностью во всей Воронежской губ. Лечил Кольцова до конца его дней. О Малышеве см. статью М. Ф. Де-Пуле «А. В. Кольцов». — «Воронежская беседа на 1861-й год», СПб., 1861, стр. 419—420.

⁵ Кольцов умер 29 октября 1842 г.

⁶ Рассказ Кольцова о пребывании в Воронеже Лермонтова был использован в монографии М. Ф. Де-Пуле (стр. 86—87).

2. А. В. СТАНКЕВИЧ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ*

⟨Москва. 12 декабря 1876 г.⟩

Многоуважаемый Михаил Федорович!

Постараюсь ответить на Ваше письмо с возможною полнотою.

Итак, — пишете Вы, — Ник⟨олай⟩ Вл⟨адимирович⟩ никаких особенно интимных и дружественных отношений к Кольцову не имел, а за границей совсем им не интересовался.**

В письмах своих в нашу семью из Берлина брат просил вестей о Кольцове, поручал передать ему его поклоны. Он также письменно спрашивал о нем друзей, которые нередко присылали ему стихи Кольцова. Дружественные отношения бывают разные. — Уважение, участие, сочувствие со стороны брата к Кольцову были полные. Кольцов платил ему тем же. К покровительственным отношениям с лицами, для него почему-либо привлекательными, брат не был способен. Кольцов, человек и поэт, были предметом его любви.

Письма брата к Кольцову не сохранились.

«Слышал я, что брат Ваш не одобрял того влияния, какое старался иметь на Кол⟨ьцов⟩а Белинский». Это совершенно несправедливо. Да Белинский никогда и не старался иметь влияния на Кольцова, а просто имел его, как человек ума, таланта, идей и характера, сочувственных Кольцову. Кольцов же был не такой человек, который безразлично поддавался бы всякому встречному влиянию.

1. Русскому языку и словесности в пансионе Федорова из преподавателей семинарии никто не учил. Помнится, преподавателем их там был*** Алексей Иванов⟨ич⟩ Сухомлинов¹.

2. Брат семью свою посещал в деревне большею частью летом, а эта пора проводилась Кольцовым в разъездах и хлопотах по делам промысла, а потому брат видал Кольцова в Воронеже, если заставал его в городе, а более в Москве, где Кольцов проводил у него дни, а иногда недели, приезжая в Москву по делам. В деревне у нас я Кольцова не видал. Если он бывал там, то это могло быть в моем отсутствии.

3. Кому принадлежит оригинал портрета Кольцова и где он находится — не знаю. Портрет весьма схож с Кольцовым².

4. У Кольцова я бывал в доме на дворе, в последний раз был у него в **** доме по Дворянской улице, еще не совсем достроенном. Сидели мы там и здесь в какой-то проходной комнате. Появлением отца Кольцов не смущался, а представил меня ему очень просто: Батинька, вот г. Станкевич, а мне сказал: батинька мой. Батинькой смущался я, как чем-то очень грубым, связанным с Кольцовым. Кольцов никогда не говорил мне о батиньке ни слова, но мне казалось, что сношения с ним д⟨олж⟩ны быть не легки для сына, а эта мысль смущала меня при виде батиньки. Кольцов же был человек чуткий и, вероятно, замечал мое смущение. Обстановка комнаты, помню, была очень скромная, крашенные стол и стулья с кожаными подушками. Кольцов всегда угощал меня чаем, даже в июльский день с 30 град⟨усами⟩ жары.

5. Лично с Лермонтовым К⟨ольцов⟩в не был знаком. О Дельвиге от Кольцова я ничего не слыхал. В Вашем письме:

«Кольцов был мученик, потому что отец его был мужик — говорят нам». Кто же говорит такую бессмыслицу? Можно быть мучеником и сыну ко-

* В сносках даны разночтения чернового автографа этого письма, хранящегося в ГИМе (ф. 351, ед. хр. 67, лл. 138—141 об.).

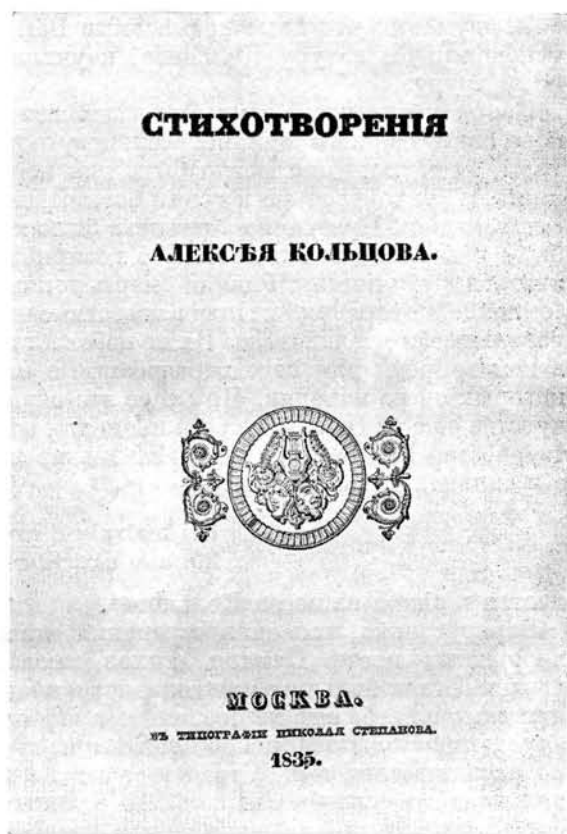
** Брат очень интересовался Кольцовым до самого отъезда за границу.

*** Н. М. Савостьянов и

**** новом

ИЗДАНИЕ «СТИХОТВОРЕНИЙ»
КОЛЬЦОВА 1835 г., ВЫШЕДШЕЕ
В СВЕТ ПРИ БЛИЖАЙШЕМ
УЧАСТИИ БЕЛИНСКОГО

Титульный лист книги

роля. Не знаю, кто называл Кольцова мучеником, но он несомненно страдал от грубой среды, от не деликатности к нему близких людей, которые иногда и не могли сами понимать этой не деликатности. Если же человек почему бы ни было уже не довольствуется средою, в которой поставлен, и однако же должен в ней оставаться — страдание тут является необходимо. Это испытал не один Кольцов.

Все, что Вы говорите о Белинском, как характере, и о влиянии Белинского на Кольцова, совершенно мне непонятно.

Я имел счастье знать Белинского. Его нравственная страстная энергия никогда не казалась мне нелепостью и бешенством*. Вы цените, говорите Вы, высоко талант Белинского и его литературные заслуги. Я должен сказать, что его талант и заслуги были из тех, которые невозможно отделить от лица.

Все, что он писал, говорил — все то он чувствовал, во все то он верил, всем тем он жил. Есть деятели в науке и литературе, у которых работает только голова. Белинский был не такого разряда человек. Говорить об этом пришлось бы мне очень долго.

Пыпин в общих чертах и во многих частностях понял лицо Белинского верно³. Слабая сторона его книги, я думаю, не здесь**.

* Даже самые его увлечения и ошибки всегда коренились в настойчивых и неколебимых требованиях нравственного чувства и крепкого ума. Такие ошибки бывали временными и сознавались им самим. Никого и никогда не встречал я, кто бы так карад собственные ошибки, как Белинский.

** — в недостаточной оценке его литературной деятельности, в недостаточной характеристике последней и не вполне верном, одностороннем выводе заключения книги.

Вы думаете, что иные называемые Вами лица «не взбудоражили бы, а успокоили бы натуру Кольцова, научили б его какому-нибудь умственному труду».

Какой умственный труд был возможен для человека, лишенного всякого элементарного знания? Кольцову оставалось читать и питаться чтением, насколько оно могло быть для него плодотворно, и он запасался книгами, радовался этим своим богатствам. Белинский снабжал его ими, сколько мог. Призвание Кольцова было ясно, выдумывать для него дело было незачем: он был поэт. Все воспринимаемое его душою могло проявиться в его поэзии. Ранняя смерть положила этому предел. Недоумение, сомнение, внутренний разлад в известные периоды жизни — удел разумного, развивающегося человека. Их не избежал и Кольцов, когда пробуждались в нем вопросы для него неразрешимые или стремления, удовлетворения которых он не находил. Но самое это отрицательное содержание мысли и чувства еще не гибель, не бесплодно для поэта; оно может вдохновлять его творчество (примеров много). Жизнь не в одних радостях и довольстве, а и сильная душа это знает—

Без любви и с горем
Жизнью наживемся,

поется в одной из песен Кольцова⁴.

Верно только, что одни страдания, лишения, муки и жалобы еще не порождают поэта. Немало стихов, вызванных страданием и лишенными поэзии. Стоны больного или голодного, плач страдающего или крики отчаяния сами по себе еще не поэзия. «На что нам знать, страдал ты или нет?». Страдания Кольцова можно понять и из его стихов, но важно то, что можно наслаждаться ими. Страдания его не были бесплодны, так же как и сильная его способность любить, радоваться, широкая русская способность откликаться на впечатления жизни, все это есть в его поэзии. Он умер рано, не бегая ни от горькой, ни от сладкой чаши, подносимой ему жизнью. Можно ли назвать его счастливым человеком, — не знаю, но знаю, что счастливы мы фактом и сознанием, что в среде русского народа живут сильные и глубокие мотивы поэзии, что им несомненно присущи широкие стремления, служащие нам залогом его значения в будущем, вселяющие в нас надежды. Таким сознанием и фактом, между прочим, обязаны мы Кольцову и людям, умевшим ценить его и поддерживать в нем веру в самого себя, в свой талант. Нельзя не заметить, что среди последних главное место принадлежит Белинскому. На это есть доказательства, но прощу извинить, если не распространяюсь в этом отношении.

⟨...⟩ Прибавлю только, что правда, которой Вы ищете, никогда не умалит достоинство лица и деятельности Белинского. Такой правды не может быть*.

⟨...⟩ Забыл сказать о Сребрянском. Я его не знал, а видел раз в постели недвижимого. Не помню, в каком году это было. Кольцов тогда провозил его через Москву и ухаживал за больным. Был ли Белинский знаком с Сребрянским — мне неизвестно⁵ ⟨...⟩

12 декабря 1876 Москва

Автограф. ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 575.

¹ В пансионе П. К. Федорова учился Н. В. Станкевич. В семинарии — друг Кольцова, А. П. Серебрянский.

² М. Ф. Де-Пуле, очевидно, спрашивал о портрете Кольцова работы К. А. Горбунова, приложенном к «Стихотворениям Кольцова» (1846). Белинский в своем предисло-

* Это я твердо знаю. Еще менее могут это сделать односторонние суждения или предубеждения, или мелочи, анекдоты, которыми с любовью занимаются любители так называемых биографических заметок.

вии отмечал большое сходство портрета с оригиналом (X, 291). Сам Де-Пуле располагал в это время (1876 г.) еще не известным тогда портретом поэта, писанным А. М. Мокрицким. По рисунку на камне Д. Трунова он был опубликован вместе с одним из отрывков работы Де-Пуле в «Древней и новой России», 1878, № 4, стр. 329.

³ А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, <изд. 1-е>, СПб., 1876.

⁴ Строки стихотворения Кольцова «Песня» («В непогоду ветер...») (5 августа 1839 г.).

⁵ Андрей Порфирьевич Серебрянский (1808—1838), земляк и друг Кольцова. Его статья «Мысли о музыке» опубликована была Белинским в «Московском наблюдателе» 1838 г. (кн. 5) и получила очень высокую оценку в передовых литературных кругах. Сам Белинский полагал, что «таких статей немного в европейских, не только русских журналах» («Письма», I, 212). Несмотря на то, что летом 1838 г. Серебрянский лечился в Москве, Белинский с ним, видимо, не успел познакомиться.

3. А. В. СТАНКЕВИЧ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

22 декабря 1876. Москва

Многоуважаемый Михаил Федорович!

Спешу ответить на Ваше последнее письмо — Вы не посетуете на меня за краткость моего ответа. Другого быть не может уже потому, что для меня неясен самый предмет нашей переписки. Вы, очевидно, говорите не о Кольцове, а о ком-то мне неизвестном. Ограничусь краткими замечаниями.

Раздвоение, о котором Вы говорите, было не в натуре, не в характере Кольцова. Ищите корня в его положении, в его стремлениях и желаниях, сталкивающихся с необходимостью, гнувшей его не туда, куда бы он направлялся сам.

Не рисовался он никогда, да и не имел в этом надобности. Двоедущие видите Вы в его сознании, что стену лбом не прошибешь. Оберегая свой лоб, он только довольствовался тем, что стену называл стеною.

Отношение воронежских современников Кольцова к последнему мне памятно. «Не за свое дело берется», «в чужие сани садится», «не на свое место лезет» и т. под. слышала я от многих и многих о нем в Воронеже. Это было, да тогда иначе и не могло быть! Недоброжелательства к нему было довольно, а внимательны к нему сделались многие вследствие внимания к нему высокопоставленных лиц, особенно со времени посещения Жуковским Воронежа. Жуковский, если не ошибаюсь, сопровождал туда наследника, нынешнего государя.

В словах Кольцова о знакомых Вы видите фатовство или шутство¹, а они просто признание стены, с которой нечего делать. В Воронеже, как всюду, были добрые люди, да Кольцову по мелким практическим делам приходилось много возиться не с ними, а с теми, кого он называл: жид на жиде, татарин на татарине². Между тем, подумывая покинуть Воронеж, он пишет (предисловие Белинского): «у меня много здесь людей хороших, которым я еще ни слова. Про это знает лекарь и тот, у кого я жил на даче. Скажи я им, они помогут»³. Кольцов, как видите, различал людей, его окружавших. Письма пишутся в разные минуты и под разными впечатлениями. Делать из них решительные выводы надо осторожно. Вы не верите, чтобы Кольцов иногда не имел сахара и чаю, а когда он пишет: обед готовят порядочный, чай есть, сахар тоже⁴... Этому верите или нет? Да и нашел же Кольцов чем рисоваться перед Белинским, у которого, могу это засвидетельствовать, нередко не только чая, а и хлеба не было.

Хорошую историю сообщили Вы мне о соборовании Кольцова. Если бы кто-нибудь вздумал произвести над мною это таинство не спросяся меня, — я бы встал из мертвых и отколотил бы его палкою. Вот она — та грубость, которая далека, кажется Вам, от злодейства. А насилия Вы тут не видите? Благонамеренность! Как правдиво говорится, что ад устлан добрыми намерениями. Не одному человеку от последних приходилось узнавать ад и в жизни!

В благодарность за историю о соборовании я Вам тоже сообщу анекдотец. Кольцов уже был изнурен болезнью, сведшей его в могилу. В это время сестра его (когда-то нежно им любимая и предмет его забот) сделала куклу, положила ее на стол в соседней Кольцову комнате и пела над нею, как над покойником. Кольцов слышал это пение, а сестра говорила: вот так мы братца будем отпевать. Больному эта затейливая шутка могла показаться злодейством, но мы с Вами скажем, что грубость не злодейство. Этот анекдот⁵ не дает ли права сказать, что Кольцова хоронили заживо, или ужас здесь неуместен?

Случалось ли Вам видеть, как иногда крестьяне, очерствелые от забот и нужды, относятся к больным в своей семье, надоевшим им долгой болезнью? Они бранят их за то, что даром хлеб едят, что валяются без работы, с бранью бросают им кусок хлеба и т. д. Войдите в избу к тем же крестьянам, когда больной умер, Вы услышите вопли, плач, причитание, увидите неподдельное горе. Крестьяне искренни и в своем озлоблении и в своей печали, да только грубы. Все это можно понять и даже извинить, но как возмутительно, отвратительно все подобное там, где нужда не достигает размеров, подавляющих человеческое чувство. А, пожалуй, и тут вина без вины, дело невежества. Камень не виноват, что он в грязи и никто его не шлифовал. Вот, признаюсь Вам, почему я не охотно припоминаю скверное о людях, в которых, вероятно, рядом было что-нибудь и доброе. Не радуюсь, что Вы вызвали во мне необходимость говорить о таких предметах.

Б е с п о л е з н о с т ь Кольцова мне неизвестна. Он был очень полезен семье и отцу. С этой стороны им дорожили до поры до времени. Он имел связи, которые были полезны для общих дел. Кольцов же и в делах был смысленнее старика, который их путал.

Подлинных писем Кольцова к Белинскому я не читал, не знаю их. Достать их совсем не так легко, как Вам кажется*. Если бы сохранилась переписка Кольцова с братом моим — я бы Вам ее доставил, но от нее не уцелело ничего. Я, кажется, писал Вам об этом.

Сказал Вам все, что умел и могу сказать.

Преданный Вам

А. С т а н к е в и ч <...>

Автограф. ГИМ. Ф. № 351, ед. хр. 67, лл. 131—134 об. Письмо сохранилось и в черновике (т а м ж е, лл. 135—136). Внешний вид документа дает основание предполагать, что это текст письма, предназначавшегося к отправке, но неотправленного. Он был использован А. В. Станкевичем в письме от 28 декабря 1876 г., в несколько смягченном тоне. (Автограф. ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 575.)

¹ Может быть, речь идет о письме Кольцова к Белинскому от 15 июня 1838 г.: «С моими знакомыми расхожусь по-маленьку... Наскучили все они, — разговоры пошлые <...> Они надо мной смеются, думают, что я несусь им вздор <...> Я <...> вот как с ними поладил: все их слушаю, думая сам про себя о другом; всех их хвалю во всю мочь; все они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты <...> образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны; и я сам про себя смеюсь над ними от души. Таким образом, все идет ладно; а то что в самом деле из ничего наживать себе дураков-врагов» (Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, СПб., 1909, стр. 185).

² В письме к Белинскому от 15 августа 1840 г. (т а м ж е, стр. 219).

³ В письме к В. П. Боткину от 27 февраля 1842 г. (т а м ж е, стр. 273).

⁴ Т а м ж е.

⁵ В передаче этого страшного эпизода надругательства над умирающим поэтом в статье Белинского мы читаем: «Раз в соседней комнате, у сестры его было много гостей, и они затеяли игру: поставили на середину комнаты стол, положили на него девушку, накрыли ее простынею и начали хором петь вечную память рабу божью Алексею» (X, 271).

* *Вариант в отправленном письме от 28 декабря 1876 г.:*

Подлинных писем Кольцова к Б(елинско)му я не читал, не знаю их. Теперь только я должен признать, что Кетчер был прав, отказавшись выдать их мне для Вас. Если знаешь, что человек относится к делу с предубеждением — нельзя его звать в судьи и поручать ему дело о людях, памятью которых дорожишь.

II. ПЕРЕПИСКА Я. М. НЕВЕРОВА С М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Януарий Михайлович Неверов (1810—1893), один из ближайших друзей Н. В. Станкевича, давний знакомый Белинского и Кольцова, впоследствии сотрудник «Отеч. записок» и видный педагог — является первым биографом Кольцова, автором первых специальных статей о нем в столичной прессе («Сын отечества», 1836, кн. XI—XIII; «Журнал министерства народного просвещения», 1836, № 3, отд. VI, стр. 653—658).

Я. М. НЕВЕРОВ

Фотография 1863 г.

Исторический музей, Москва

Работа Я. М. Неверова «Поэт-прасол», опубликованная в «Сыне отечества» 1836 г., была учтена Белинским в его статье о Кольцове 1846 г. Однако в период переписки с Де-Пуле Я. М. Неверов был уже 67-летним больным стариком, забывшим многое из того, что им самим было в свое время сделано. И тем не менее он оказался гораздо ближе к Де-Пуле, чем сторонник идей Белинского — А. В. Станкевич. В письмах к Неверову Де-Пуле был гораздо откровеннее, чем в своих обращениях к Станкевичу (см. его письмо от 4 августа 1877 г. в предисловии к настоящей работе).

Более подробные данные о Неверове см. в его автобиографии, опубликованной Н. Л. Бродским («Вестник воспитания», 1915, № 6, стр. 73—136) и в настоящем томе, стр. 92—94.

1. Я. М. НЕВЕРОВ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Тифлис, 24 мая 1877 г.

Милостивый государь
 Михаил Федорович!

Возвратившись на-днях из поездки в Кутаис, я нашел письмо Ваше от 6 мая, на которое спешу отвечать Вашему превосходительству.

Мое личное знакомство с Кольцовым было слишком кратковременно, а потому я ничего не могу сказать о нем, т. е. о его характере, положительного, а тем менее заподозрить его в двоедушии или лживости. Окончив курс в Московском университете в 1833 году, я поступил на службу в редакцию «Журнала министерства просвещения» и, живя в Петербурге, конечно, вел деятельную переписку с покойным моим другом Станкевичем, который, по выходе из университета, жил в имении отца своего в селе Удеревке Воронежской губернии Острогорского уезда. — Не помню точно в <18>35 или 1836 году, Станкевич сообщил мне о своем знакомстве с Кольцовым, которое произошло следующим образом: отец Станкевича имел винокуренный завод, куда местные торговцы скотом (прасолы) пригоняли свой скот для корма бардою. Разумеется, молодой Станкевич не имел никаких сношений с этими лицами. Однажды, ложась спать, он долго не мог найти своего камердинера, и когда последний явился, то, на замечание Станкевича, привел такое оправдание, что вновь прибывший прасол Кольцов за ужином читал им такие песни, что они все заслушались и не могли от него отстать, и при этом сказал несколько оставшихся у него в памяти куплетов, которые и на Станкевича произвели такое впечатление, что он пожелал лично узнать от Кольцова, откуда он достал такие прекрасные стихи. На другой день он пригласил его к себе и, к удивлению своему, узнал, что автор этих стихов сам Кольцов. Разумеется, Станкевич тотчас же попросил его передать ему все его стихотворения¹ и, напечатав их отдельною брошюрою, прислал ко мне в Петербург, сообщив некоторые данные о личности автора, что и послужило материалом для моей статьи, которая, не помню даже где была напечатана, потому что тогда я участвовал в нескольких периодических изданиях. Полагаю, впрочем, что она появилась в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», так как в этом издании я принимал самое деятельное участие ввиду моих близких отношений к А. А. Краевскому².

<...> Письмо Станкевича, в котором он сообщил мне первое известие о Кольцове, также у меня не сохранилось. Вскоре по получении мною сведений о Кольцове, он сам приехал в Петербург по своим коммерческим делам, и тут-то я познакомился с ним лично³. В Петербурге он жил месяца два или три, но не у меня, а на квартире⁴, и так как в это время у меня были назначены вечера, на которые собиралась тогдашняя литературная молодежь, то, конечно, я познакомил с нею Кольцова, представив его <В. Ф.> Одоевскому, Плетневу, Жуковскому, — а последний представил Кольцова и государю⁵, то очень естественно, что Кольцов был очень ко мне близок и, помню даже, перед выездом из Петербурга устроил пир для меня и друзей моих, но этим и кончились мои с ним сношения, а потому я могу сказать только, что личное впечатление, им на меня произведенное, было весьма приятное, и в наше кратковременное знакомство я не мог заметить в нем лукавства и двоедушия — мы видели в нем простоту, а неловкость его в обращении, конечно, извиняли той средою, в которой он до того времени постоянно находился. Возвратившись из Петербурга в Воронеж, он написал ко мне благодарственное письмо, которое я, конечно, не сохранил, и так как вскоре после того я вышел в отставку и уехал в Берлин, где два года слушал лекции в университете, а в 1839 году, возвратившись в Петербург, тотчас же назначен был инспектором Рижской гимназии, то все све-

дения мои о Кольцове ограничиваются только нашим коротким знакомством в Петербурге, и между нами не было никакой переписки.

Вот все, что я могу сообщить Вам о Кольцове <...>

Р. S. 27 май <...> в статье моей о Кольцове и даже в этом письме к Вам, написанном по воспоминаниям, я сделал ошибку, сказавши, что стихотворения Кольцова изданы Станкевичем, тогда как он принимал только нравственное в том влияние один исключительно: издание же произведено по собранной им подписке <...>

ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 358. Письмо (за исключением концовки — автографа) написано рукой домашнего писца Неверова.

¹ Это ценное свидетельство Я. М. Неверова использовано М. Ф. Де-Пуле (см. стр. 23—24 его книги) до слов: «все свои стихотворения». Как известно, Де-Пуле стремился приписать заслуги Н. В. Станкевича в издании сборника стихотворений Кольцова.

² Первая статья Неверова о Кольцове была помещена в «Сыне отечества», 1836, №№ 11, 12 и 13.

³ Таким образом, знакомство Неверова с Кольцовым произошло в начале 1836 г.

⁴ По приезде в Петербург Кольцов поселился где-то на Владимирском проспекте.

⁵ Сообщение Неверова о представлении Кольцова царю не подтверждается другими материалами.

2. М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ — Я. М. НЕВЕРОВУ

<Тамбов. 6 июня 1877 г.>

Милостивый государь

Януарий Михайлович!

<...> Возвращаю Вам письма Н. В. Станкевича. Печатной Вашей статьей о Кольцове я не пользовался, но имею из нее выписки, которые при сем прилагаю <...> Прочтя эти выписки, кажется, исчерпывающие всю Вашу статью, сделайте одолжение, дополните их, если что подскажет Ваша память. Напр. об «С...». Это был Сухачев, и «Листки» его я знаю. Что это был за господин? «Листки» — тощая брошюрка таких же стихотворений, между которыми два кольцовских. Но неужели Сухачев эти стихотворения напечатал украдкой от Кольцова?¹ Статья Ваша заставляет меня просить Ваше превосходительство просмотреть «Отечеств. записки» 1867 г., № 2, статью Малыхина. В этой статье приводятся (стр. 495) выдержки из другой, называющейся «Воронежская новость». Не знаете ли, кто был автором этой «Новости» и где она была напечатана? Мои разыскания на этот счет ни к чему не привели². По миновании надобности выдержки из Вашей статьи потрудитесь мне возвратить.

Перехожу к ответу на Ваше письмо. Чрезвычайно любопытно начало знакомства Станкевича с Кольцовым; но скажите, как согласить его с показанием Анненкова, который предполагает, что это знакомство состоялось или в книжной лавке (Кашкина) в Воронеже, или в пансионе Федорова, где бывал Кольцов по торговым делам? Не припомните ли, какие именно песни читал Кольцов людям Станкевича? Любопытны сообщаемые Вами подробности о приезде Кольцова в Петербург и о знакомстве его, через Ваше посредство, с тогдашними литераторами. Вы крайне бы обязали меня, если бы сообщили мне подробности о тогдашних Ваших литературных вечерах с поименованием постоянных их посетителей. А. А. Краевский также сообщает мне подробности о знакомстве Кольцова с литераторами, но иначе. Он говорит, что это знакомство состоялось через него и происходило на литературном вечере у Жуковского, в Шепелевском доме³, где Кольцов был представлен, между прочими, и Пушкину. Но память нам страшно изменяет; так и Краевский сообщил мне один факт, который ничем не подтверждается. По его словам, 2-я книжка «Современника» 1836 г., за отсутствием Пушкина, издавалась им, Краевским, и Плетневым. В этой книжке Краевский напечатал «несколько» стихотворений Кольцова,

которых Пушкин, по возвращении в Петербург, не одобрил. А между тем оказывается в этой 2(-й) книжке напечатано только одно стихотворение «Урожай», которое едва ли мог не одобрить Пушкин, а в остальных книжках «Современника» за тот же год нет ни одного стихотворения Кольцова. Не припомните ли подробностей о представлении Кольцова покойному государю? Не один ли это слух? Кто Вам сообщил этот факт? Здесь будет кстати привести рассказы, которые и теперь еще ходят по Воронежу и которые приписываются отцу Кольцова. Отец хвастался, что сына «призывали ко двору», что к нему присылали «курьеров», что ему заказывали «песни», сулили «подарки» и т. п. Эти рассказы я отношу к легендам, но в основе их может лежать какой-нибудь факт; что Вы на это скажете? Не припомните ли подробности «пира», устроенного Кольцовым в Петербурге для Вас и друзей Ваших? Не припомните ли, в общем, мнения Кольцова о приеме, какой он встретил в кругу петербургских литераторов?

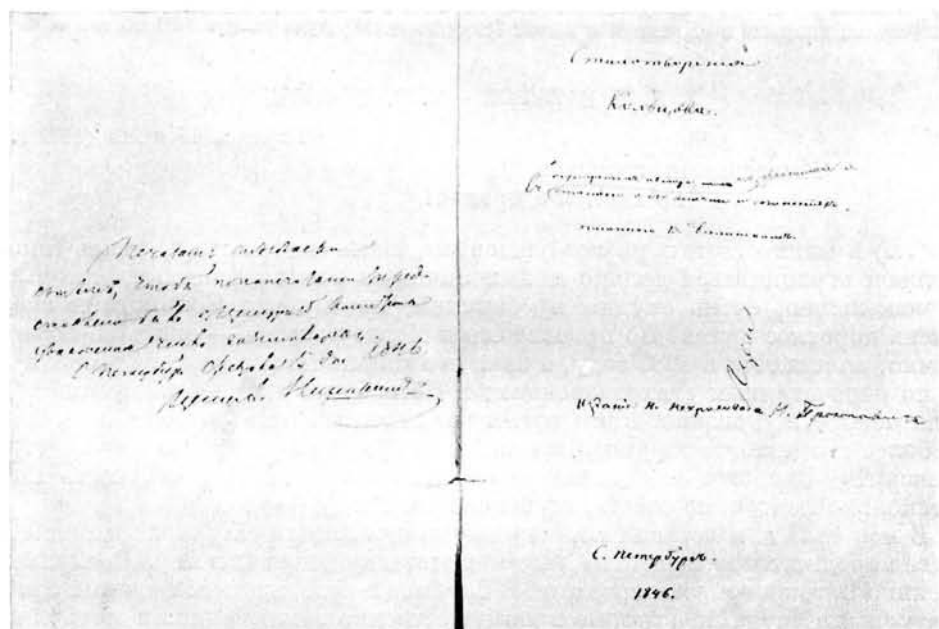
Ваше двухгодичное пребывание в Берлине совпадает с жизнью в этом городе Н. В. Станкевича. Станкевич вел переписку с родными, знакомыми, вспоминал, конечно, все прежнее, оставшееся на родине; могли быть и речи о Кольцове. Скажите, что это были за речи? Мне было бы крайне любопытно знать последнее (предсмертное) мнение Станкевича о Кольцове. Не высказывался ли Станкевич по поводу отношений Белинского к Кольцову, установившихся окончательно в 1838 г.? Биографию Кольцова вчерне я кончил. По исправлении, она предназначается для «Древ. и нов. России», где едва ли появится раньше конца этого или начала будущего года ⁴. Кажется, я писал Вам, что лично Кольцова я не знал, но видал его гимназистом (1836—1842) множество раз, а затем, во время моей 17-летней службы в Воронежском кадетском корпусе (1848—1865), я имел возможность познакомиться с его домашней и общественной обстановкой. Я давно убедился, что Белинский не имел о ней надлежащего понятия, а потому и представил Кольцова в ложном свете. Эта ложь поддерживается в литературе более 30 лет. Ложь заключается в том, что Кольцов был совсем не литератор, не поэт-литератор, как все понимают эти два слова, а поэт-песельник народный. Все беды и напасти Кольцова оттого и происходили, что он смутно понимал свое значение и из всех сил рвался быть первым, т. е. литературным поэтом: вот мой взгляд! Высказываю Вам его для того, чтобы Вы знали, с каким биографом Кольцова Вы имеете дело. Есть у меня и еще одна причина высказаться. Вы — всем известный друг Н. В. Станкевича, который очень любил и Белинского. Я, по воронежской жизни (1862—1864), был очень близко знаком с его братом Александром Влад. А теперь мы с ним чуть не рассорились (говорю в шутку) из-за Кольцова, или точнее, из-за Белинского. Он, А. В. Станкевич, считает все показания Белинского непогрешимыми, особенно семейные отношения Кольцова; я же их отвергаю (конечно, фактами) и самую биографию поэта, составленную Белинским, признаю, в литературном отношении, крайне слабую. Знаю, что не один Станкевич, но и большинство еще живущих друзей Белинского и те из его почитателей, которые не допускают к нему критического отношения, поднимают против меня вопль. Я не знаю Вашего взгляда на этот счет; но позволяю себе надеяться, что Вы отнесетесь объективнее к моему мнению и поверите мне на слово, что задачей моего труда было лишь искание истины, а никак не желание полемизировать с Белинским. Эта надежда соединяется с уверенностью, что Вы откровенно выскажете мне Ваше собственное мнение о Кольцове, каким он изображается Белинским, о чем усерднейше прошу Вас (...)

Тамбов, 6-го июня 1877 года.

Автограф. ГИМ. Ф. № 372, ед. хр. 7, лл. 38—39 об.

¹ Де-Пуле имел все основания поставить этот вопрос. Не только Неверову, но и всем прочим биографам Кольцова до самого последнего времени оставалась неизвестной личность Сухачева (см. обзор Я. А. Ротковича «Основные этапы изучения творчества А. В. Кольцова». — «Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та», кн. VI, 1942, стр. 65—107). Между тем, мещанин В. И. Сухачев, связь с которым Кольцов установил в 1829 г. через воронежского книгопродавца Д. А. Кашкина, являлся, как сейчас установлено, главой и организатором тайного «Общества независимых».

Программа этой революционно-демократической организации выражалась в очень четких формулировках: «Общество независимых. Закон его — следовать природе. Монаршей власти не признавать, а быть всем равными, признавать натуру творцом всего» (Ю. Г. Оксман. А. В. Кольцов и тайное «Общество независимых». — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 50—91). Для политической

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ НАБОРНОЙ РУКОПИСИ «СТИХОТВОРЕНИЙ» КОЛЬЦОВА
ИЗДАНИЯ 1846 г. И ОБОРОТ ЛИСТА

Заполнен рукою Белинского. На обороте цензурное разрешение, подписанное
А. В. Никитенко

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

биографии молодого Кольцова необычайно существенно, что еще до знакомства с Белинским он оказался связанным в Воронеже с революционно-демократической организацией, в агитационно-пропагандистской работе которой широко были использованы «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, ода «Вольность» Пушкина и «Декларация прав человека и гражданина».

Будучи проездом в 1829 г. в Воронеже, Сухачев познакомился с Кольцовым, передавшим ему три своих стихотворения: «Приди ко мне», «Не мне внимать напев волшебный» и «Мщение», которые тот напечатал под своим именем в брошюре «Листики из записной книжки Василия Сухачева», М., 1830.

² Вопрос об авторе статьи «Воронежская новость» интересен, во-первых, тем, что это была одна из самых ранних статей о Кольцове, а во-вторых, тем, что она явно была связана с изданием «Стихотворений А. Кольцова», которым занимались Белинский и Станкевич в 1835 г. П. В. Малыхин нашел «Воронежскую новость» в бумагах Кольцова, переписанную рукой самого поэта. Особенности ее текста заставляют предполагать, что она напечатана Малыхиным полностью. Поиски газеты, журнала или альманаха, где эта статья могла быть опубликована, оказались безрезультатными. В «Воронежской новости» речь шла о первой книжке стихотворений Кольцова. Но рецензией статья эта быть не могла, так как датирована она 1834 г., а книжка Кольцова вышла в 1835 г. Следовательно, статью писал человек, располагавший рукописью или корректурными листами сборника.

«Воронежская новость», как свидетельствует самый материал этой статьи, похожа на проект предисловия к первому сборнику стихотворений Кольцова. Судя по фразеологии этой заметки, она написана даже не в 1834 г., а гораздо раньше. Сошлемся хотя бы на следующие строки: «Согласитесь сами, любезные читатели, что такого рода обстоятельства жизни <как у Кольцова> <...> почти решительно уничтожают права души человеческой созреть для понятий высоких, благороднейших! Дивитесь же: пред вами целая книжка стихотворений этого мещанина» («Отеч. записки», 1867, № 1, стр. 495).

Мы предполагаем, не был ли Н. В. Станкевич автором «Воронежской новости», поскольку он был непосредственно связан с изданием стихотворений Кольцова и предисловием к нему.

³ «Шепелевский дом» — часть Зимнего дворца, для лиц царской свиты. В «Шепелевском доме» находилась и квартира В. А. Жуковского.

⁴ Работа Де-Пуле, вышедшая в свет в 1878 г., вчерне оконченная в июне 1877 г., напечатана впервые в «Древней и новой России», 1878, №№ 3—6.

3. Я. М. НЕВЕРОВ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Тифлис, 19 июня <1877 г.>

Милостивый государь
Михаил Федорович!

<...> в моих ответах на возбужденные Вами вопросы, я, опять-таки, должен ограничиться только моими личными воспоминаниями, которые, к сожалению, очень скудны и сбивчивы, потому что Кольцова я знал очень короткое время. До приезда его в Москву зимою — опять не помню точно, но кажется в 1836 году, я знал его только по рассказам Станкевича и по напечатанным стихотворениям; в Петербурге он пробыл месяца три или четыре и, конечно, в это время мы виделись очень часто ¹, но затем я более его никогда не видал и никакой переписки с ним не имел. Чтоб пояснить Вам это последнее обстоятельство, я должен сообщить Вам несколько фактов из собственной моей жизни.

В мае 1837 г. я оставил мою службу при редакции «Журнала министерства народного просвещения», вышел в отставку и поехал в Берлин слушать лекции в тамошнем университете. В Берлине я содержал себя своими литературными трудами, которые преимущественно заключались в сотрудничестве по изданию Энциклопедического лексикона Плюшара, а потому не имел времени не только на литературную, но даже и интимную переписку, и так как в Берлине я жил вместе со Станкевичем и Грановским, то, естественно, мне не представлялось надобности заводить переписку с Кольцовым уже потому, что все сведения о нем я мог иметь от Станкевича. Не знаю даже, была ли между ним и Кольцовым переписка, потому что наши интересы в Берлине исключительно сосредоточены были на науке и на предметах, нас непосредственно окружавших, так что я не припомню даже, беседовали мы там хоть изредка о Кольцове или нет. — Возвратившись в 1839 г. в Петербург, я предполагал посвятить себя исключительно литературе, но граф Уваров — министр, знавший меня еще студентом и занятый тогда мыслью о преобразовании учебных заведений Остзейского края, убедил меня занять место инспектора рижской гимназии, и я, пробыв всего 2 или 3 недели в Петербурге, должен был тотчас же отправиться в Ригу и там заняться подготовкою себя к новому для меня педагогическому поприщу, которое не позволяло уже посвящать много времени литературной деятельности. Притом в Риге я сблизился с девушкою немецкого происхождения, быв объявлен женихом ее, как вдруг, вследствие влияния лютеранского духовенства, брак мой с горячо любимой мною девушкою был расторгнут, т. е. не состоялся по тому случаю, что родители взяли свое слово назад, вследствие чего у меня, конечно, было очень крупное объяснение с виновником моего несчастья, пастором Таубе, и на другой же день после этого я страшно заболел и лишился употребления моего единствен-

ного глаза (я от природы имею один глаз). Проведя целую зиму в темной комнате, я весной поехал за границу лечиться и, возвратившись через полгода в Ригу с восстановленным зрением, уже не мог более там оставаться и назначен был директором в Чернигов. Оставшаяся на всю жизнь слабость зрения вскоре потребовала опять лечения за границей, а так как графа Уварова уже не было и пособий на поездку я не мог получить, то и перешел на службу на Кавказ — директором в Ставрополь, чтоб пользоваться кавказскими минеральными водами для поддержания моего зрения. Во все это время я ни разу не был ни в Петербурге, ни в Москве. Должен был отказаться от всякого литературного труда потому, что моего глаза едва хватало на официальную отписку, а потому не только с Кольцовым, но и более близкими мне лицами, как Белинский и другие, я не вел

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «СТИХОТВОРЕНИЙ» КОЛЬЦОВА ИЗДАНИЯ 1846 г. КНИГА ВЫШЛА В СВЕТ ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ БЕЛИНСКОГО И С ЕГО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

переписки, а потому все мои сношения с Кольцовым окончились в <18>36-ом году и я помню его только по приезду его в Петербург в 1836 году, и все мое знакомство с ним продолжалось от 3-х до 4-х месяцев.

Теперь буду отвечать Вам по порядку на Ваши вопросы; ничего не умею сказать Вам о Сухачеве ² и листках его, которых вовсе не помню и не знаю, как попали туда «Стихи Кольцова» <...>

Точно так же ничего не могу сказать Вам о статье Малихина в «Отечественных записках» 1867 года, их я также не нашел здесь, могу только сказать положительно, что автор цитируемой Малихиным статьи «Воронежская новость» мне вовсе не известен ³. Анненков положительно ошибается, говоря, что Станкевич познакомился с Кольцовым в книжной лавке или в пансионе; знакомство могло поддерживаться там, но началось именно так, как я писал Вам. Рассказ Станкевича у меня живо сохранился в памяти, я не могу только сказать, когда именно состоялось это знакомство, и, конечно, не помню, какие именно песни читал Кольцов людям Станкевича.

Я употребил неточное выражение сказавши, что в <18>35-м или 1836 годах у меня были литературные вечера: название слишком претенциозное! У меня просто собирались в известные дни мои приятели, в числе коих я означу здесь только тех, кои более или менее известны в литературном мире: В. В. Григорьев, ориенталист, теперь начальник печати, Грановский, Тимофеев — поэт, Панаев, Строев Сергей (Скромненко), Петров, впоследствии профессор санскритского языка, Гребенка и другие.

Я познакомил Краевского с Кольцовым, и, действительно, он, а не я представил его Жуковскому, а так как с Плетневым я был хорошо знаком и наши квартиры были рядом, то мне кажется, что я представил Кольцова и Плетневу, а может быть — Краевский, не помню *. Подробности представления Кольцова государю также не помню, но в нашем кругу это был общеизвестный факт.

О пирушке, устроенной для меня Кольцовым, у меня осталось в памяти, то, что я был пьян, а так как в жизни моей мне всего только два раза довелось быть пьяным, то я очень хорошо помню эту пирушку. Она устроена была Кольцовым в его квартире, где-то около Владимирской. Общество состояло исключительно из близких мне лиц, и хозяин, по русскому обычаю, постоянно обходил гостей с подносом, приглашая пить. Выпивши 2—3 стакана, я, конечно, отказывался и не хотел пить более, но Кольцов все приставал и, получив мой решительный отказ, отошел на средину комнаты, сказал нам спич, в котором, изложив все, что для него сделал Станкевич, провозгласил тост за его здоровье и, подойдя ко мне, с улыбкою сказал: «ну, теперчи, конечно, вы не откажетесь выпить стакан до дна!» Я, конечно, выпил с усилием и опьянел так, что Кольцов сам отвез меня на мою квартиру, и так как я, будучи пьяным, все-таки беспокоился о том, как я покажусь в таком виде моему лакею, который сильно любил выпить, а потому получал от меня частые выговоры, то Кольцов меня успокаивал тем, что меня он сам уложит в постель и скажет моему лакею, что мне сделалось дурно и я занемог. Он, действительно, так и поступил, и благодаря этому обстоятельству, эта пирушка так живо сохранилась в моей памяти ⁴.

Что же касается до разговоров о Кольцове со Станкевичем во время двухлетнего нашего пребывания в Берлине, то я сказал уже выше, что там у нас были совсем другие интересы, и я ничего не могу припомнить об отъездах Станкевича о Кольцове в 1838 году по поводу отношений Кольцова к Белинскому, и так как личное мое знакомство с Кольцовым всего только продолжалось 3 или 4 месяца, то я не могу ничего сказать ни за, ни против Вашего мнения о его характере, но согласен с Вашою мыслью, что Кольцов не был поэт-литератор, как понимают эти слова, и что характеристика его как поэта-песельника народного ближе к истине, если к ней добавить то, что этот песельник способен был вдохновляться идеями высшими чем обыкновенное народное мировоззрение, и что в этом отношении на него влияла та среда, в которую он попал благодаря Станкевичу. Отношения его к Белинскому мне вовсе неизвестны, и я даже не читал статей последнего и вообще, живя в Берлине, не имел возможности следить за русскою литературою того времени (<...>)

ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 358. Написано рукой писца.

¹ Встречи с Неверовым в Берлине в 1838—1839 гг. дали материал Тургеневу для набросков юмористической поэмы, опубликованной М. К. Клеманом в «Литературно-библиологическом сборнике», Пг., 1918, стр. 11—15.

² О В. И. Сухачеве см. прим. 1 к предыдущему письму.

³ О заметке «Воронежская новость» см. прим. 2 к предыдущему письму.

⁴ Рассказ о пирушке у Кольцова вошел в автобиографию Неверова («Вестник воспитания», 1915, № 6, стр. 131—133).

* Вставка рукой Неверова: Я не представлял Кольцова кн<язю> Одоевскому.

4. Я. М. НЕВЕРОВ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Железноводск. 10 июля 1877 г.

Милостивый государь
Михаил Федорович!

<...> Буду отвечать в порядке на поставленные в письме Вашем вопросы: Письмо № 2 от 22 мая 1836.

Кольцов пишет Краевскому, что послал мне свое стихотворение «Молодая женщина»¹ и просит поместить его в «Современнике». Решительно не помню, что это за стихотворение, и даже не знаю, напечатано оно или нет. Если оно не напечатано, то, вероятно, не по моей вине: думаю, что я тотчас же передал его Краевскому.

Письмо № 4 от 2 июля 1836².

Упоминаемый в нем Василий Васильевич есть мой искренний друг Григорьев, профессор восточных языков в Петербургском университете, теперь начальник печати, в то время мы были неразлучны, и Кольцов сошелся с ним у меня. О каких подарках идет речь — не припоминаю. Единственный подарок Кольцова — его портрет сохранился у меня до сего времени; ничего более я от него не получал, Григорьев также.

Письмо № 5 от 27 ноября 1836 года.

Кольцов жалуется, что я что-то замолчал: зиму 36-го года я очень занят был приготовлением к поездке за границу, куда отправился я весной 1837-го года — да вообще я с ним не вел деятельной переписки.

Письмо № 8 от 16 июля 1837.

«о Я. М. — че и слух совсем застыл» — не мудрено, я в это время был уже в Берлине. Повторяю, что я положительно не помню о переписке моей с Кольцовым. Легко может быть, что он просил меня хлопотать о напечатании некоторых из его стихотворений, как то упоминается в письме № 2 и, конечно, я старался исполнить его поручения и отвечал ему о результатах моих хлопот, но это не такого рода переписка, чтобы о ней можно было вспомнить по истечении 40 лет, а потому я решительно ничего не могу припомнить, какие тетради стихотворений присылал он мне или Краевскому и какая судьба их постигла. Об издании стихотворений Кольцова я мог только просить Краевского, сам же не имел никакой возможности и средств взять это дело на себя³.

О Губере также ничего не могу Вам сказать и даже не помню его: вероятно, он в числе прочей молодежи бывал у Краевского и у меня, но между нами, т. е. Губером и мной, не было никаких интимных отношений⁴; Григорьев же Василий Васильевич по сие время остался в близких дружеских ко мне отношениях <...>

Автограф: ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 358.

¹ Правильно — «Молодая жница». В «Современнике» это стихотворение напечатано не было. (Впервые в изд. 1846 г. с датой 1836 г.)

² Здесь и ниже имеются в виду письма Кольцова к Краевскому.

³ Первое издание «Стихотворений А. Кольцова» (ц. р. 24 марта 1835 г.), видимо, имело успех, ибо уже в 1836 г. друзьями поэта был поставлен вопрос о новом сборнике его произведений. Это издание предполагалось поручить А. А. Краевскому, но оно не осуществилось. Об этом проекте сохранилось несколько строк в неизданном письме Я. М. Неверова к Н. В. Станкевичу от 23 апреля <1836 г.>: «Кольцов еще здесь. Его стихотворения готовятся к печати вторым изданием, к которому прибавится несколько писем и портрет его, сделанный Венециановым» (ГИМ. Ф. № 351, ед. хр. 57, л. 19). В академическом издании стихотворений А. В. Кольцова (1909 г.) проект этот ошибочно отнесен к 1837 г.

Портрет Кольцова работы А. Г. Венецианова неизвестен. Возможно, что он остался ненаписанным, но сообщение о замысле этого портрета очень интересно. Кольцов был близок с А. Г. Венециановым и неоднократно бывал у него в доме вместе с Неверовым,

Об этом свидетельствует и неизданная записка художника от 17 апреля 1836 г. с приглашением Неверова и Кольцова «на пироги» (ГИМ. Архив Я. М. Неверова, ф. № 372, п. 5, лл. 145—146).

⁴ Поэт Эдуард Иванович Г у б е р (1814—1847) бывал на вечерах Краевского в марте 1838 г. (см. письмо Кольцова к Белинскому от 14 марта 1838 г. — Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, СПб., 1909, стр. 179). В 1839 г. Губер послал Кольцову в Воронеж свой перевод «Фауста» (там же, стр. 194).

5. Я. М. НЕВЕРОВ — М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

Железноводск, 15 июля <1877 г.>

Милостивый государь
Михаил Федорович!

<...> Какие из найденных г. Малыхиним ранних стихотворений Кольцова принадлежат собственно ему и какие друзьям его в Воронеже, а равно и о причинах возникших впоследствии натянутых между ними отношений, я по причинам, известным Вам из прежних моих писем, решительно ничего не могу сказать, так как с 1837 года, т. е. со времени моей поездки за границу, я не только не переписывался с Кольцовым, но не имел никаких о нем известий. Мнение же Малыхина, что размолвка с прежними друзьями произошла вследствие того, что Кольцов в кружке Станкевича и в Петербурге нахватался, как говорится, новых идей, которые хотел навязать старым своим друзьям, — весьма правдоподобно, но эти идеи поэт-прасол только понимал своим поэтическим чувством, а не мог усвоить их себе настолько сознательно, чтоб передавать их другим, а это, конечно, могли заметить его друзья, получившие более основательную научную подготовку, и приписали его желанию пускать им пыль в глаза, отсюда и неприязнь. Так мне кажется! — Положительного же я ничего не могу сказать именно потому, что сам не имел ни времени, ни возможности в наше короткое знакомство изучить основательно характер Кольцова <...>

Автограф. ИРЛИ АН СССР. Ф. № 569, № 358.